

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Несколько слов, предваряющих текст</i>	7	
11	ОДИН ДЕНЬ В ПОЛЕНОВЕ	
30	МАРХИ. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ	
	Михаил Александрович Туркус	31
	Борис Сергеевич Мезенцев	35
42	ПОИСК ПУТИ	
	Виктор Борисович Эльконин	42
	Артур Владимирович Фонвизин	49
	Александр Григорьевич Тышлер	62
71	ДРУЗЬЯ ДАЛЕКИЕ, НО БЛИЗКИЕ	
	Лев Збарский	71
	Юрий Красный	105
	Эрнст Неизвестный	125
	Михаил Шемякин	127
	Шимон Окштейн	130
132	РОМАН С ОФОРТОМ	
	Геннадий Трошков	132
	Азарт творчества	144

153..... МОСКОВСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Мария Чегодаева	153
Олег Целков	157
Сергей Алимов	160
Сергей Бархин	167
Михаил Ромадин	174
Валерий Левенталь	186
Давид Боровский	194
Михаил Шварцман	199
Эдуард Штейнберг	201
Александр Великанов	203
Игорь Попов	205

208..... ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

АНТОНОВА

Штрихи к образу	208
“Декабрьские вечера”	210
“Москва – Берлин”	217
Встречи в Италии	220

224..... О ПЕТЕРБУРГСКИХ

ХУДОЖНИКАХ И КАРТИНАХ

Валерий Доррер	224
Рисование Петербурга	231
Эдуард Кочергин	234
“Санкт-Петербург. Белые ночи. Пейзажи”	237
<i>Дописав книгу.....</i>	244
<i>Слова благодарности .....</i>	245
<i>Указатель имен.....</i>	247

Несколько слов, предваряющих текст

.....

Сейчас, когда книга уже написана и ее верстка лежит передо мной, не могу избавиться от ощущения неполноты сделанного, кажется, что многое пропущено, не охвачено. Пусть читатель поверит в это состояние, способное подвигнуть на то, чтобы сесть и написать заметки о художниках заново. И лишь обязательства перед издательством удерживают меня от этого. На все нужно время.

Вспомнить и оценить встречи прошлых лет очень сложно. Надо было записывать вовремя! Но на это способен человек рассудительный, а не такой мятущийся и неуравновешенный, каким был я. Единственное, что могу поставить себе в заслугу (по итогам двух книг: “Промельк Беллы” и теперь — “Жизнь переходит в память. Художник о художниках”), — это масштаб охвата времени, в котором довелось жить, и то количество замечательных имен и образов, которые окружали и окружают меня до сих пор.

Записки мои о художниках, посвятивших себя живописи, графике и сценографии — этой замечательной,

но причудливой профессии. Я выбрал имена людей наиболее значимые в этих сферах искусства — тех, кто жил и творил на моих глазах, в непосредственной близости, кто произвел на меня сильное впечатление и повлиял в той или иной степени на мое творчество. Все они — мои современники и близкие друзья, но читатель может быть уверен: речь пойдет только о прекрасных художниках.

Стоило начать писать, и возник вопрос: как рассказать о них? Давать ли анализ творчества или писать просто как о людях, моих товарищах? Думается, я нашел компромисс: я расскажу и о наших личных встречах, и о месте в искусстве и общественной жизни, не претендуя на то, чтобы дать исчерпывающие творческие портреты. Многих из этих людей уже нет на свете, и я считаю своим долгом вспомнить их имена и отслужить делу их памяти по мере моих сил.

Несколько слов о композиции книги, которую условно можно разделить на три части. Первая — затрагивает юные годы и мое становление как личности и как художника, отчасти происходившее в Поленове и Тарусе. Этому же посвящены воспоминания об Архитектурном институте и записки о встречах с Артуром Владимировичем Фонвизинным и Александром Григорьевичем Тышлером.

Дальше следуют имена Лёвы Збарского, Юрия Красного, Гены Трошкова. Встречи и дружба с ними тоже в своем роде ранние, но очень дорогие мне воспоминания.

Глава “Московские зарисовки” рассказывает о художниках, иногда сильно на меня повлиявших, тем более что среди них есть и очень значительные фигуры. Я специально не выделяю их, чтобы они не подавляли

другие, а существовали бы на равных. Все они, эти московские мастера, и составляют ту среду, в которой протекала моя жизнь, хотя я пишу о них по-разному, более или менее подробно. Как писал Б. Пастернак:

Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.

Отдельная глава посвящена образу Ирины Александровны Антоновой.

А в третьей части появляются петербургские художники и картины. Я отвожу этой теме особое место, особенно ее значению в моей жизни.

ОДИН ДЕНЬ В ПОЛЕНОВЕ

Памяти Наташи Грамолиной

По детскому воспоминанию он знал, что после долгой разлуки странно и грустно видеть знакомое место: ты с ним еще связан сердцем, а неподвижные предметы тебя уже забыли и не узнают, точно они прожили без тебя деятельную, счастливую жизнь, а ты был им чужой, одинок в своем чувстве и теперь стоишь перед ними жалким неизвестным существом.

А. ПЛАТОНОВ. *Джан*

.....
Летом 2019 года мы, как обычно, созвонились и договорились о встрече в Поленове с нашей многолетней (мы знакомы с семидесятых годов) подругой Наташей Грамолиной, директором музея-заповедника Василия Дмитриевича Поленова. Для меня усадьба художника — священное место, поскольку вся моя жизнь прошла в этих краях. Я имею в виду само Поленово и расположенную рядом Тарусу, которые воспринимаю как единое целое и считаю своей малой родиной.

Каждое лето, начиная с тридцатых годов, меня привозили сюда сначала ребенком, а потом я самостоятельно приезжал для отдыха и работы. И настолько сроднился со здешней обстановкой, что она стала как бы частью меня самого. Первые годы пребывания в Поленове были, по сути, единственной данностью, дарованной мне судьбой, а последующие — являлись уже моим выбором.

Я начал ездить после войны и эвакуации в эти края по старой детской памяти, да еще и потому, что здесь, в Поленове, был дом отдыха Большого театра, а мои ро-

дители могли покупать сюда путевки, тем самым решая еще и проблему питания. В 1954 году я писал отцу из Сухуми: “Вообще все, что происходит в Поленове, мне очень интересно, я сам хотел бы там сейчас быть. <...> Моя вечная история: как только я попадаю куда-нибудь на юг, у меня возникает тоска по Поленову и такого же рода местам под Москвой”.

Наташа Грамолина была супругой внука Василия Дмитриевича — Фёдора. Пройдя многотрудный жизненный путь, в том числе командование подводной лодкой, он стал (до Наташи) директором музея-усадьбы, наследуя эту должность. Он хорошо знал творчество своего деда, был человеком эрудированным, просвещенным и посвященным в тайны музейного дела. Я вспоминаю Фёдора молодого, еще до призыва в армию, потому что воспитывался вместе с ним одними и теми же людьми, зачастую домочадцами и родственниками Поленова — с ним была близка моя бабушка. В памяти звучит детское имя Фёдора — Федул. Потом следы его для меня затерялись. В моем поле зрения Фёдор снова возник, уже когда стал “большим” человеком, заседал в Верховном Совете РСФСР и очень хорошо там держался.

Фёдор Поленов с его правильными чертами лица был красив той красотой, которой обладали выходцы из старинных русских дворянских или купеческих родов, такие как, например, Владимир Владимирович Набоков или Юрий Петрович Любимов. Благодаря стараниям Фёдора и Наташи большая территория вокруг поленовского дома была объявлена заповедником и таким образом спаслась от застройки коттеджами новых русских соотечественников.

Ближе к концу своей непростой и насыщенной событиями жизни Фёдор обратился к заветному для него писательскому труду и в нем тоже проявил талант, издав книгу “У подножия радуги”, где, обращаясь к фактам собственной биографии и художественно их отображая, не оставил без внимания сакральные для Тарусы имена Ивана Владимировича Цветаева, Константина Георгиевича Паустовского, Касьяна Ярославича Голейзовского.

А Наташа Грамолина стала для меня ниточкой, связующей мою юность и настоящее время. Каждый свой приезд в Поленово я стремился к застолию у Наташи и всегда восхищался ее доброжелательностью и гостеприимством. Наверное, здесь позволительно вспомнить, что по образованию Наташа была филологом, свободно владела всеми пластами русского языка, не чуждаясь обшечных выражений, а самым оригинальным образом используя их в своей колоритной речи.

Именно в Поленово из Тарусы и направлялся наш прогулочный кораблик: довольно большой, старой конструкции, уж никак не вписывающийся, к счастью, в понятие современного дизайна. За штурвалом — наш давний приятель Кириллыч, крупный медведеподобный мужчина с иссеченным бороздами морщин лицом. Он и капитан, он и матрос. Сделав разворот, чтобы корабль стал носом против течения, и задав ему медленный ход, он спускается из капитанской рубки, перекидывает канат на пристань и принимается подтягивать его вручную к пристани. Кругом простирается ширь Оки. В этом месте именно ширь.

Мы ходим на берег по деревянному трапу, подрагивающему под ногами. Кириллыч нам помогает. Мы — это я, моя прекрасная супруга Даша, Люда Шуклина —

наша приятельница, доброжелательная хозяйка этого парохода, Паша и Ира (я стараюсь приобщить моего друга, писателя и сценариста Пашу Финна, приехавшего погостить в Тарусу, и его замечательную, остроумную жену Иру Чернову к своему ощущению и видению Тарусы, а теперь и Поленова). Осторожно спускаемся — и оказываемся на поленовской земле.

Я узнаю и не узнаю окрестности. Меня обступили тени прошлого. Собственно, они живут во мне, быть может, потому, что навсегда отпечатались в моем юном сознании. Порой даже давят грузом подробнейших деталей. Они населяют эти аллеи, этот поленовский дом — вот он, стоит в отдалении, и корпуса Дома отдыха, которых больше нет, — все так отчетливо проявлено в памяти. Щемлящие воспоминания своей реальностью превосходят все остальное, окрашивают и погружают происходящее сейчас в прошлое. Мираж или, скорее, наваждение... Люди вспоминаются на фоне мало меняющегося пейзажа. Удостоверяют мираж и в то же время возвращают нас к действительности сам дом Василия Дмитриевича Поленова и Аббатство, существующие и поныне. Все это позволяет мне рассуждать о привидевшемся доме отдыха как о “рухнувшей цивилизации”. “Цивилизация” — это не только “тени” в реальном пространстве, но и то, чем мы жили тогда. Целая жизнь встает из небытия с ее успехами и неудачами, любовью, романами, праздниками и разными событиями, объединяющими всех. Проживаемыми вместе.

Тропа, по которой мы идем, знакома, но все-таки другая. В памяти она короче и пролегает мимо землянки Пашки-лодочника — он заведовал веслами и ставил бакены на Оке. Теперь землянки нет. И вышли мы на причал, а не на дебаркадер, как раньше. И ивами все зарос-

ло — огромными, красивыми и, хочется сказать, рёйсдалевскими — они образуют волнистую линию крон, заслоняющую горизонт, как на его картинах, и выглядят так же величественно и прозрачно. Кроме того, эти величественные ивы загородили весь вид на Оку, и уже не узнать до боли знакомый пейзаж, особенно памятный во время заката, по которому всегда можно было понять, какая завтра будет погода.

Нет бревенчатого домика, где жил Павел Владимирович Садовский — огромный плотный мужчина, музыкант оркестра Большого театра. Он обитал там со своей семьей и любимым музыкальным инструментом корнет-а-пистоном, которым устраивал побудку всей округи, играя “Футбольный марш” Матвея Блантера ровно в восемь часов утра. В летнем прозрачном воздухе марш был слышен на десятки километров вокруг.

Нет и прекрасного, как в памяти, но на самом деле более чем убогого дощатого павильона “Голубой Дунай”. За его перилами так и видится высоченная фигура знаменитого актера Ивана Ершова в соломенной шляпе, опирающегося на трость, с граненым стаканом водки в руке — он намеревается выпить “под закат” и идти закусывать в столовую, располагавшуюся выше этого павильона, на горе, откуда снова открывался вид на Оку, но уже в более широком ракурсе.

В Поленове в сороковые годы летом проходил так называемый день смеха, устраиваемый лучшими режиссерами и актерами из числа отдыхающих. Весь этот день был наполнен удивительными событиями вроде шутейного маскарада, когда мужчины переодевались в дамские туалеты, чем вносили много смешного в обычную жизнь.